

Час Надежды

18+

Русин Василий

Василий Русин
Час Надежды

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Русин В. Л.

Час Надежды / В. Л. Русин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5320-9532-8

Час Надежды – сборник произведений объединённых некими общими историями, героями, мотивами. В сборник вошли рассказы: Солдат, Цитадель, Туман, Ангел Хранитель, Волшебство. Материал дополнен предисловиями автора.

ISBN 978-5-5320-9532-8

© Русин В. Л., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Единственное, что нужно для триумфа зла – это чтобы хорошие люди ничего не делали.

Эдмунд Берк.

Предисловие Автора

Здравствуй, мой друг, мой читатель. Так уж повелось, что предисловия чаще начинаются со слов благодарности тем, кто непосредственно влиял на автора, участвовал в его работе, помогал ему, поддерживал его. Но я начну немного иначе.

Я хочу сказать спасибо именно Тебе. Почему, спросишь ты?

Ответить не так сложно: как известно, без зрителя нет театра, а без того, кто сможет оценить красоту картины, нет художника. Без читателя нет книги, ну а о писателе в таком случае и речи не идет.

Благодаря Тебе эта книга существует, благодаря тому, что Ты прочтёшь ее, будут жить истории и персонажи. Тебе как со-творцу я говорю спасибо.

А теперь, после слов благодарности, можно перейти к более предметному разговору.

Ты держишь в руках сборник рассказов. Эти произведения сюжетно не связаны между собой, но объединены общей идеей и смыслом.

Что же роднит эти рассказы? Взять, скажем, «Туман». Действие происходит в почти идентичном нашему миру месте, человек ходит на завод, размышляет о трудности писательской жизни. Или вот, например, «Волшебство»? Война, похожая на последнюю отгремевшую в нашем мире войну, почти павший город, который штурмуют войска неприятеля, и полуразрушенная библиотека, в которой ютятся последние представители мира фантазии и волшебства, а в небе гудят самолеты, бомбы летят к земле, танки грохочут.

Или «Цитадель», в которой два брата, – солдат и волшебник, выпускник Цитадели – бредут по долгим переходам пещеры, в которой они надеются отыскать добычу, позволившую бы им осесть, обзавестись семьями. Добычу, которая бы изменила их жизнь к лучшему.

С одной стороны, конечно, нет никакого сходства.

Но я постараюсь объяснить. Послушай меня: во всяком рассказе пред героем или героями встает вопрос: как относиться ко Злу. И зачастую персонажи, сталкиваясь с ним, видят его последствия. Но также они осознают и то, что будет, если они выступят против него. «Кто, если не я? – думает герой. – Когда, если не сейчас? Что будет, если я не вмешаюсь, если я останусь в стороне?»

«Как тогда изменится мир?»

«Что станет с нами после этого?»

«Стоит ли оно того?»

Выбор перед лицом Зла, хитрого, изворотливого, и осознание, что этому Злу необходимо дать отпор, порой заплатив за это высокую цену. Но заплатить необходимо, иначе что останется потом?

Будут ли библиотеки учить детей волшебству и развивать их фантазию? Смогут ли выпускники Цитадели и дальше защищать людей? Да или нет? Все зависит от выбора.

Я хочу пожелать тебе всего самого хорошего, и я знаю, что время, проведенное в компании с книгой, никогда не бывает потрачено впустую.

До скорой встречи, друг мой.

И знай: когда ты откроешь книгу вновь, я буду здесь, чтобы поговорить с тобой, мой дорогой друг, мой со-творец.

Туман

Туман. Какой он? Я помню кадры из фильма о Петербурге, там туман был ласковым, нежным, романтичным. Этаким человеком в шляпе. Неспешным эстетом, легко и непринуждённо раскрывающим тебе тайны и секреты этого чудесного города.

Или, например, туман в экранизации игр Silent Hill. Какой он там? Совершенно другой. Он вызывает предчувствие страха, как только появляется в кадре. Он плотный, тягучий, пугающий.

Так какой он, туман?

Создает ли он ощущение реальности происходящего, ибо является частью природы, ее явлением, как ветер, снег, дождь, как смена сезонов? Вглядываясь в него, видит ли Хельга, врач с многолетней практикой, что-либо невероятное? Думаю, что нет. Она может различить, глядя сквозь него, людей, очертания зданий. Но если контуры пропадут в густой дымке, последнее что придёт ей на ум, – что виной тому Туман и мистические тайны.

Или же Туман хранит в себе загадку и по-лавкрафтовски ужасен? Оказавшись один на один с ним, не видя ничего дальше своей вытянутой руки, услышишь ли ты звуки, не относящиеся к нашему миру, и цепкие пальцы страха не сожмут ли твое сердце на веки?

Леонид всегда считал, что тумана стоит бояться, ибо там, по рассказам его родственников, живут существа из другого мира. Они приходят к нам сквозь туман и уходят вместе с ним, порой забирая нас с собой. Куда? Никто не знает.

Не безумие ли это? Или правдивое виденье реальности?

Каков он, туман?

Может быть, мир по ту сторону не так и враждебен?

Или не зря прихода тумана боялись древние народы, страшась тех, кого он приводил с собой?

Туман

*Hear my silent prayer,
Heed my quiet call,
When the dark and blue surround you.
Step into my sigh,
Look inside the light,
You will know that I have found you.
Secret Garden – Dreamcatcher.
Леонид.*

Моя мама всегда говорила мне: «Сынок, бойся туманов». А ей говорила ещё её бабка, цыганка, представительница народности, знавшей не понаслышке об иной стороне жизни. Той, о которой в наш век просвещения забыли, и я думаю, что к лучшему. Ведь, поверь человек в силу, находящуюся за границами его понимания, за легкой туманной дымкой осязания, разве он смог бы построить теперешнее общество, полное благоденствия и счастья? Думаю, нет. Демоны иной стороны не дали бы ему спуска, и, завладев его разумом, уничтожили бы его. Его хрупкий просвещённый ум не выдержал бы и минуты.

Вы спросите – зачем ты размышляешь об этой чепухе, когда нам нужно строить новый мир, трудиться на благо государства и во имя великого будущего? Зачем ты изводишь себя пустой философской трескотней, когда твой винтик так необходим мировой машине? Я отвечаю.

Потому что с недавних пор туман стал для меня лакмусовой бумажкой всего сущего. Его цвет и форма, его наличие или отсутствие – всё это стало для меня важнее работы. Важнее, чем трудом своим приблизить великое будущее. Важнее всего, даже важнее жизни. И я расскажу вам все, с самого начала. И теперь, когда всё вокруг потеряло смысл, я заклинаю вас, мои доктора, бойтесь туманов.

Моё имя – Леонид Гросов, я состоял в союзе писателей города Куйбышев, но через несколько лет меня с позором изгнали из его рядов. Мне, тогда ещё молодому человеку, полному амбиций и ярких идей, очень быстро стало тесно в обыденном мире нашего далеко не светлого государства. Я перебивался случайными заработками, стал много пить. Но что же уберегло тебя – спросите вы? Сон. Сон, друзья мои. Сон обладает удивительно целебными свойствами. Когда душа, вера в которую безвозвратно утеряна, (и я намеренно употребляю это слово, так сказать, для «красного словца»), находится на грани, и ты уже готов умереть, потому что не в силах выносить свое жалкое тело, свой воспалённый мозг, тогда приходит сон, сон разума и сон души. Иногда его называют комой.

Во сне ко мне пришла моя мать. Я видел себя лежащим в грязной подворотне, мои лохмотья давно перестали походить на одежду достойного члена нашего общества.

Вы не верите мне, я вижу, но дайте немного времени и пожалейте мои силы, не задавайте вопросов. Я всё расскажу. Скоро всё затянет туман, а с ним уйду и я. Пожалуйста, не делайте эти знаки медсестре, уколы не помогут, вы уже пытались. Ваша улыбка мне нравится. Как вас зовут? Хельга? Вы из европейского региона, там хорошо, я хотел бы побывать там. Нет, нет, мне не доведется, не пытайтесь убедить меня, и не убаюкивайте своей молодостью, я вижу больше, чем вы думаете. Лучше поправьте подушку, это будет самым уместным проявлением вашей доброты.

Так вот, в том сне мне явилась моя мать, давно уже почившая. Она приподняла мою голову, так же, как и Вы порой приподнимаете её, когда от успокоительных мои мышцы перестают служить мне, и прижала к себе. И я плакал в том сне, ничто не сдерживало меня. О, как горячи были мои слезы, будто бы они были чистым алкоголем, они жгли мне кожу, но я не мог остановиться. Я вглядывался в теряющее очертание лицо матери и плакал. И всё что я мог увидеть – это блеск звезд в уголках её глаз.

О, прошу, ну зачем? Этот укол бесполезен, вы лишь отсрочите неизбежное. Зачем?

Который час? Я проспал всего лишь несколько минут, я же говорил, что ваши уколы перестали действовать. Да, да, я помню, вы в европейском регионе знаете лучше. Хельга, ведь вас так зовут? Вы же здесь, чтобы выслушать меня, правда? Тогда слушайте. И обещайте, что не будете больше делать эти неприятные инъекции. Не можете обещать? Потому что я сумасшедший? Что ж, вам в европейском регионе виднее.

Я проснулся, отошел от того сна. И вы опять не поверите мне, но я открыл глаза совершенно другим человеком. Я отыскал своего друга, он помог мне. Первое время я жил у него, потом устроился на завод имени Ленина. Я ведь ничего не умел, но у меня появилось то, что ценнее всего на свете – острое желание жить. Говорят, что на последней войне немцы готовы были идти на любые эксперименты, чтобы выжечь это желание из груди русских военнопленных, но у них ничего не вышло.

Я верю в силу, в негибемую силу русского духа. А вы верите, Хельга? У вас имя такое своеобразное – как Ольга, только на немецкий лад. Что же вы губы поджали? Ваши дальние родственники как-то связаны с этой неприятной историей? О, простите, в европейском регионе не принято задавать такие вопросы, простите за отсутствие такта. Но ведь вы утверждаете, что я сумасшедший, значит, я могу говорить все, что вздумается. О, нет! Куда же вы Хельга, куда вы?!

Больница – она больше похожа на тюрьму, хотя на что мне жаловаться? Меня кормят через инъекции, я связан, чтобы не причинить никому вреда, я хожу под себя, а специально обученные сестры убирают за мной. Грустно? Нет. Порой это даже забавно. Я научился получать какое-то извращенное удовольствие от пребывания здесь. Они хотят узнать у меня правду, но и не могут провести со мной и дня. Одно меня печалит: если они не поверят мне, то все, все мои крики души напрасны. Леди Туманов заберет меня, а потом кто-то ещё попадет в её объятия. Ведь нельзя искоренить мир по ту сторону. Даже если внушить всем и везде прагматичные взгляды, что-то всегда будет неясной туманной дымкой висеть над людьми и нашептывать подлецу бессовестные идеи, а гению преподносить великие открытия. Нельзя искоренить природу, само солнце нельзя заменить на фальшивую лампочку. Нельзя! Понимаете?

Хельга.

«Нужно зайти в магазин, купить что-нибудь на ужин и сигарет. Угораздило же приехать в этот Куйбышев. Столица, а на деле – та ещё дыра. От смога и тяжелого дыма доменных печей порой не видно неба. Приходится ходить в респираторных масках. Неудивительно, что Леонид сошел с ума. Правительство замалчивает статистику о душевных расстройствах среди населения этого региона, и понятно, почему. По мне, так тут каждого второго можно закрывать» – Хельга стряхнула пепел с сигареты. Затянулась. В окне город Куйбышев предстал морем огней разных оттенков, застывших на черном безграничном полотне. Так ей виделась всё ещё стоявших повсюду хрущевок. Темные бастионы их крыш плыли в туманной дымке. Эту панораму Хельга наблюдала каждый вечер из окна своего семьдесят второго этажа. Гостиничный номер и высота помогали ей отдалиться от рабочих проблем, помечтать о том, как она вскоре вернется в свой родной Берлин. Она ещё раз затянулась и, выдохнув облако густого сигаретного дыма, прикрыла окно шторой.

Ей не давал покоя вопрос. Сумасшествие Леонида было очевидным, его неоднократные попытки сбежать привели к усилению режима, его безумие было налицо. Но вот что странно: в его истории было что-то глубинное, что-то, что притягивало внимание Хельги. Что-то, что невыразимым образом завораживало. И пугало.

Будто одна из сказок, рассказанных бабушкой у огня. Страшно так, что нет сил пошевелиться и мурашки бегут по спине, но нет сил встать, ибо ноги больше не слушаются, не принадлежат тебе, ты весь во власти рассказчика. И теперь он, или, возможно, его история правит тобой, и покуда история жива, ты мертв, ты бессилен. И в это самое мгновение проявляется то, что сокрыто в повествовании, его самая суть, душа, которая так хочет быть ожить хоть на мгновение, хоть на один удар твоего сердца. Ты будто одержим тем мрачным повествованием. Страх растекается вокруг тебя туманной пеленой.

И с каким же облегчением и болезненным восторгом ты встаешь при слове «конец». И просишь ещё. Будто заложник тайны, будто голодный узник, в бессильной мольбе тянешь закованные в кандалы руки к смеющемуся надзирателю. А в ответ не получаешь ничего.

Леонид.

Доктор, вы сегодня само очарование, но почему вы так холодны со мной? За что? Я обидел вас? Вы плохо спали? Неудивительно – туманы. В этот период всем сложно, поверьте. Вы знаете, я даже рад, что вы колете мне более сильное снотворное. Да, я засыпаю и не слышу, как она поет. Раньше её голос мог заменить мне весь мир. О, вы не поверите, но для писателя муза – это все, и она стала для меня таковой.

Имя? Вы смеётесь надо мной. У нее нет имени, а даже если бы и было, так ли это важно? Вы любили когда-нибудь? О, конечно, как такая очаровательная девушка, как вы, могла остаться без внимания поклонников. Если вы любили, то вам знакомо это сладкое чувство, оно сродни безумию, оно появляется где-то в груди и растет, развивается в тебе, будто опухоль, и затмевает ход твоих мыслей. Да, безумие, но только разрешенное. Официальное.

Я вернулся с завода в тот вечер. Было поздно, я поднялся к себе в комнату, хотя это не совсем комната, я снимал целый чердак. Оттуда открывался потрясающий вид. Это было год назад. Тогда город заполнили туманы, как и сейчас. И я в ту пору изрядно уставал на работе.

Я приходил домой, варил себе кофе, пил его, слушал радио и смотрел в окно. Я ждал, когда моя муза принесет мне идею, которую я перенесу на бумагу, и позже мне не придется работать за гроши и так выматываться, что до печатной машинки нет сил дотянуться. Я брал кружку, и руки дрожали после тяжелой, монотонной смены на заводе. Будь проклят этот труд!

Однажды я рассердился, страшно рассердился. Кажется, я даже что-то сломал в комнате, не помню точно. Но что я помню, так это смех, а затем и песню, унявшие мое желание разрушить все и вся.

Я оглянулся на звук. Там, за окном, в туманной дымке, будто стоя на облаках, танцевала она. Вся будто сотканная из серебристой дымки, она казалась мне невесомой, призрачной, и её смех заставил сердце забиться сильнее. И я засмеялся в ответ. Будто что-то порвалось в груди, будто я сбросил оковы с давно связанного сердца. Я не мог остановиться, смеялся как мальчишка, до слез, до того, что вздохнуть стало больно. Я смеялся вместе с нею.

Она стояла в тумане на высоте восьмого этажа, в легком кружевном платье, и смеялась вместе со мной, улыбалась мне как ни одна женщина до того. Она подошла, неслышно проскользнув по туманному озеру. Туман скрыл пол моей комнаты, и она вошла в мой дом, – и в мою жизнь.

Вы всё ещё даете мне эти ужасные препараты, я от них очень хочу спать. Очень, порой просто не выносимо. Зачем? Что вы делаете, пока я сплю? Вы следите за мной? У меня паранойя? Тогда зачем мне спать по вашей указке, доктор? Я ведь и так не могу встать с постели! Так, может быть, вы оставите мне право хотя бы на сон! На сон в тот час или минуту, когда я захочу! Я, я, понимаете?! Я человек! Я не заключенный проклятых лагерей! Да, вы вздрогнули! Вам стыдно за то, что ваш народ творил с нами! Нет? Не стыдно, иначе я не был бы пленником ваших желаний! Вы хотите услышать мою историю, вы записываете мои слова! Зачем?

Что со мной будет потом? Какую участь вы уготовили мне? Участь узника концентрационного лагеря?!

Хельга.

Сегодня пациент был слишком агрессивен, я распорядилась, чтобы он получил дополнительную дозу успокоительного. Весна пришла так некстати, все, что у людей обычно скрыто глубоко в подсознании всплывает и раздражает их разум. Благо, если человек здоров. А если нет? Насилие и преступность среди определенной категории населения всех регионов возрастает именно весной.

Да, может быть, мне стоит последовать совету доктора Львова и быть с Леонидом мягче, все-таки, снять с него сдерживающий бандаж хотя бы на ночь? Нужно решить это по дороге домой. Черт возьми, уже поздно, нужно вызывать такси.

Уже в уютном салоне автомобиля доктор Хельга Браум отрешенным взглядом провожала силуэты спешащих куда-то прохожих. В тумане они казались лишь тенями человеческих существ. Безликие, беспомощные. Хельга даже улыбнулась. Улыбнулась тепло, что бывает с ней редко: ей стало жалко этих вымышленных людей. Там, далеко отсюда, в её уютном родном городе люди куда более настоящие, с их улыбками и открытостью. Хельга почувствовала, как теплеет в груди от счастливых и летних воспоминаний. Неожиданно даже для нее самой она обняла себя крепко-крепко руками и, прикрыв глаза, запела колыбельную.

Нехитрый мотив собственного пения убаюкал Хельгу. Водитель, мужчина лет сорока семи, невольно посмотрел на нее через зеркало заднего вида. В его глубоко запавших глазах не было счастья.

Леонид.

Когда я мне было чуть больше двадцати лет, я в кампании других студентов, родителей и преподавателей вуза, ездил с экскурсией в один из концентрационных лагерей, на тот момент превращенный в музей.

Мы с мамой – я всегда был близок с ней – шли вместе от одной комнаты к другой. Нам показывали части одного большого комплекса зданий, будто доктор препарировал мертвый, но когда-то давно опасный организм, знакомил студентов с особенностью этого зловещего существа. Где-то располагается пищеварительная система, где-то органы слуха, нервная система и прочее. Где-то его руки или лапы, способные лишить жизни, где-то клыки, которыми он мог терзать и продлевать агонию по недомыслию попавшего в его лапы существа. И так далее. Сухо, ни капли страха или сожаления.

Мы ходили за ним, за этим доктором – гидом, и кивали в такт его словам. Он сказал, что из всего комплекса до сих пор функционируют только печи. И сразу внес поправку: «то есть, если их запустить, конечно». «Никто доподлинно не знает, – сказал он, – точное число заключенных, прошедших через этот лагерь смерти». Я недоумевал. Как? Вы, те, кто досконально изучили и проанализировали всё вокруг, всё посчитали и записали, не имеете представления, сколько людей скончалось в этих застенках? Я негодовал, меня била дрожь от такой наглой лжи и притворства.

Многое позабылось с тех пор, но один фрагмент особенно ярко запечатлелся в памяти и уже, наверное, из нее не изгладится. Нам показывали камеры, где содержали заключенных славянской национальности. Я вошел в одну из них. И вот что я запомнил так отчетливо, так живо: на стенах от пола до потолка были вырезаны, выскоблены имена, одно имя за другим, одно за другим, сотни, сотни имен. Василий, Женя, Петр, потом клички, иногда что-то совсем неразборчивое. Я касался пальцами букв, и от моих прикосновений пыль, наполнившая глу-

бокие царапины, сыпалась на пол. Пыль казалась мне совершенно разной от имени к имени. В моём воображении проступали образы людей, вырезавших на этих стенах память о себе. Изможденные, слабые, они касались моей руки и тихо, глядя мне в глаза, называли себя. Один за другим.

Я опустил на колени и погрузил ладони в пыль, которой скопилось немало. Эти люди, узники, у которых украли будущее, знали, что никто не придёт их спасти, что печи, работающие круглые сутки, испепелят их, и пепел вряд ли достигнет родной земли. Семья и друзья не придут проститься с ними. Все, что они могли сделать перед лицом этого страшного забвения – написать свое имя на стене. Чтобы другой, который возможно, выживет в этом фашистском аду, запомнил его имя, рассказал другому, а тот третьему, и в памяти людей сохранилась бы его судьба, втоптанная в прах фашистским сапогом. И тогда смерть не будет такой бесчеловечной.

Хельга.

– Доброе утро, доктор, доброе, у меня к вам есть один разговор. Если вы соблаговолите уделить мне немного вашего драгоценного времени, я жду вас в своем кабинете. Буду рад скорой встрече.

Хельга задумалась на мгновение – времени действительно было немного, но раз главный врач приглашает её на разговор, нехорошо игнорировать его просьбу. Леонида как раз должны кормить, так что выдалась свободная минута.

– Хельга, я хотел сообщить вам радостную новость. Нам на пробу привезли тестовый образец нового лекарственного препарата. Уникальная разработка, может вылечить совершенно, казалось бы, безнадежных пациентов. Я хочу, чтобы одним из тех, кому введут это лекарство, был Леонид.

– Хорошо, доктор, я непременно опробую его на Леониде.

Леонид.

– Доброе утро, доктор. Вы сегодня отлично выглядите! Правда, я не лукавлю. Да и кофе был отличным, пирожные. Сегодня праздник? Или я что-то пропустил, забыл? Вы хотели сделать мне приятно, что ж, у вас получилось, доктор. Я давно не завтракал так вкусно, вам, должно быть, известно, что больничная стряпня совсем не располагает к радостной встрече нового дня.

Вы хотели услышать мою историю дальше. Что ж, вы своим поступком привнесли в мое пресное утро нежные нотки радости, и кем бы я был, если бы отказал вам в суесть безделице? Конечно, доктор, я продолжу свой рассказ.

Вы помните, с чего всё началось? С завода и рутины, а рутина очень опасна, она будто ржавчина проникает всё глубже в самую суть предмета, прожигая его насквозь, и после материала рушиться, ломается под собственным весом, хотя, казалось бы, мог прослужить многие годы. Да, доктор, я всё ещё рассказываю вам свою историю. Это метафора, я хотел на её примере объяснить, что двигало мной в тот период моей жизни. Так вот.

Чтобы выжить, мне пришлось работать на заводе, там я вирус рутины и подхватил. Всё больше и больше он укоренялся в моем теле, подтачивал мою волю, сводил настроение на нет, и вот спустя некоторое время я, будто съеденная ржавчиной металлическая конструкция, покосившаяся, готовая рухнуть в любой момент, согнулся, ссутулился, и на работу скорее брел, чем шел.

Как раз тогда всё и началось. Мне захотелось писать, как раньше, так, чтобы слово вновь стало объёмным от вложенного в него смысла, чтобы мысль жила дольше минуты или часа. История как апофеоз мысли должна жить вечно.

Вам непонятно, скучно? Хорошо, я перейду к Ней, раз вам так угодно. Вы, я вижу, не любите метафоры.

Она вошла в мою жизнь в ту ночь, в ту туманную ночь, она танцевала, ох, как она танцевала! Вы и представить не можете, насколько она была хороша. Когда пол моего дома скрыл туман, я разулся и стал ходить босым, пробуя холодную дымку кончиками пальцев. Она смеялась, глядя на это. Я наслаждался холодом, отрезвляющим холодом тумана, и от того, что она не покидала мой дом, я готов был петь во весь голос. Это ли не любовь?

Она скользила по туманному ковру и говорила со мной, смеялась, садилась мне на колени и обнимала, я обнимал её в ответ, и нет, она не была призраком, нет, что вы. Она была теплой, из плоти и крови. Я не сумасшедший, я говорю вам чистую правду.

Я рассказал ей всё о себе, все горести, радости. Я признался, что без памяти влюбился в её смех и в нее всю. Я всегда прямо общался с девушками, и эта прямота обычно служила мне плохую службу. Но не сейчас. Она прикрыла мне рот ладонью. А потом поцеловала в губы.

Я забылся в этом поцелуе, время перестало существовать, я целовал её в ответ и, прижав к себе сильнее, шептал ей в ухо всё, что было на сердце, а там царили сумбур и разврат. А дальше я не помню. Не помню, и всё. Не спрашивайте и не смейтесь, я не помню, что было дальше.

Когда я пришел в себя, было раннее утро, голова чудовищно болела, просто раскалывалась. Я побрел к открытому окну. Солнце только появлялось из-за высоток, и оно выглядело зловещим, огненным богом, разбуженным человеком, а туман ускользал, таял, приближаясь к горизонту, огненные лучи солнечного монстра разрезали туман и рвали на части. Я схватил куртку и что было сил бросился на улицу. Я хотел найти её, или что-то, что могло доказать мне: всё произошедшее – не сон.

А если честно, мне просто было страшно за нее. Ведь она вся была соткана из тумана, и солнце могло убить её. Я выскочил на крыльцо и судорожно вертел головой вправо-влево, но туман уже почти рассеялся. А то, что осталось, развеял солнечный день.

И именно в то утро, когда, как мне казалось, я потерял её, я понял, что у меня есть силы, снова писать. Я пробудился, будто то самое светило, я собрался и, уже будучи иным человеком, отправился на работу.

Время помчалось очень быстро, на меня многие оборачивались, возможно, выглядел слишком возбужденным, но мне было всё равно, головная боль прошла, хотя я был достаточно слаб. Но всё это было не важно, в голове бурлили десятки идей, и я ждал окончания смены с нетерпением. Руки дрожали от предвкушения чего-то невероятного.

Хельга.

Поздним вечером Хельга, глядя в окно и наблюдая, как тяжелый, серый от выбросов завода туман грязной шапкой скрывал крыши домов, размышляла над словами Леонида. Он так превозносил туман, наделял его почти мистическими свойствами. Туман играл роль некоего связующего моста между ним и его странной гостьей. Конечно, – и в этом не было сомнений, – Леонид страдал от сильнейшего расстройства рассудка. Но всё же, всё же...

Хельга пила вино из высокого бокала. Тосклив в этот час город Куйбышев, безысходность и уныние – вот те два слова, которые приходили в голову Хельги, когда она охватывала взором огромные просторы мегаполиса. И всё же история Леонида... Да, он болен, но её мысли раз за разом возвращались к его словам о тумане. О том, что туман населен диковинными существами, и что его гостя не единственная, кого можно там встретить. Бред какой-то, доктор, ну ей богу.

А может, всё дело в том, что Хельге хотелось поверить в сказку? В красивую сказку про удивительную, волшебную любовь? Такую, о которой она мечтала всю свою жизнь, но видела

только в кино да иногда читала в книгах ? Может быть, только желание поверить в то, чего нет, и держало её столько времени рядом с Леонидом? Кто знает.

Хельга всмотрелась в туман, более всего походивший на грязный, тяжелый смог. Он повис над крышами домов и держал под контролем всё, что происходило в его досягаемости. Где-то там, внизу, бродили одинокие люди. «Неужели они не боятся тумана? Неужели они вдыхают все эти выбросы без страха? А если на миг представить, что, по версии Леонида, в тумане живут неизвестные науке существа, то.... Нет, это уже совсем фантастика. Пора спать, доктор, пора спать».

Спокойной ночи, Хельга, спокойной ночи.

Леонид.

– Доброе утро, доктор, вы сегодня неважно выглядите. Что с вами? Сны? Да, весна – такое время, когда здоровый сон становится редкостью. Вот я, если, конечно, вам интересно, спал отлично: снотворное просто выключило мой разум, как ненужный механизм, и я пролежал обессиленным всю ночь. Не хотите поменяться со мной? Я бы попробовал, каково это – не высыпаться.

Не сердитесь, доктор, прошу вас, я не хотел обидеть. Так, сорвалось с языка, у нас, у сумасшедших, так бывает. Вы же врач, а врач не должен обижаться на больного.

Хорошо, я перейду к делу и продолжу рассказ.

Помните, на чем я остановился? На жажде, той, которая затмевает взор, скрывает все вокруг и делает важное бессмысленным. Имя этой жажды – страсть. Страсть сжигала меня, я ждал прихода ночи, того часа, когда город будет укрыт снежно-белым одеялом туманного серебра, и по нему, словно по белому звенящему снегу, ко мне придёт Она. Я открыл окно так широко, как только позволяла оконная рама. Я отыскал свою старую рабочую тетрадь, в нее я заносил свои мысли. Потом уже на печатной машинке набирал свои произведения, но тетрадь была моим самым сокровенным сокровищем, именно в ней мои тексты оживали.

Я ждал и вглядывался в туманную дымку: как она играла, как оттенок сменялся один на другой, как туман, будто нежные руки женщины, ласково обвивал людей, кутая их в свои объятия. Луна поднималась всё выше, и в её бледном свете ищущее, нежное, теплое туманное море замерло, представ предо мной молочно-белым покрывалом. Застывшее, оно принесло сон уставшему городу, а мне – надежду на скорое появление мой леди.

И вот я услышал её, – нет, не шаги, как вы могли подумать, доктор. Нет, я услышал песню, моя леди скользила по туманному покрывалу и пела; танцевала и пела только для меня. Вдалеке, осыпанная звездными блестками, в лунном свете, она предстала предо мной самым очарованием. Ее голос стал громче, и она приблизилась к моему окну.

Туман залил пол моего жилища, я протянул ей руки и помог проскользнуть внутрь. Она была обжигающе холодна, но её голос, доктор, голос... Я тонул в его потрясающей красоте. Я обнял её крепче крепкого, зарылся носом в её волосы и закружил её. Я был так счастлив в ту минуту, что, казалось, пропади она, и я не смогу больше жить, сердце сразу же остановится, и я умру.

Я кружил её, вдыхал восхитительный запах её волос, целовал их, а она целовала меня и кусала за шею и плечи. Да, доктор, это правда.

Я забыл обо всем: о тетради, о той страсти, что сжигала меня, весь день дотла. Хотел лишь кружить её вечно, куда хватит сил. Доктор, вы смотрите на меня, как на безумного. Но разве любовь не безумие ли? Малокровие? Нет, не знал, и давно оно у меня? Я не могу ответить вам, потому что у меня его не было. Вы говорите, что сейчас оно у меня есть, ну и что с того? Это так важно?

Лучше слушайте дальше. Наконец я устал. Я опустил её на пол. Она выглядела посвежшей, более живой, что ли. А я устал, дьявольски. Обессиленный, я лег на пол, и туман, казавшийся раньше холодным, стал теперь теплым одеялом. Она подошла ко мне, легла рядом и обняла, положив мне на грудь мою тетрадь.

– Ты ведь писатель, верно? – её голос стал глубоким, сильным, будто она наполнилась жизнью, очарование туманного волшебства пропало, и мне стало больно от того, что магия безвозвратно утеряна.

– Да, только я давно не писал. Хотел начать этой ночью, ждал тебя, думал, что ты будешь рядом, и я смогу работать, любуясь твоей красотой, – я хотел поднять руку, коснуться её волос, губ, но сил не хватило и на это.

– Я ждал тебя весь день. Ты чудо. Кто ты? Откуда? Мне кажется, что я знаю, как тебя зовут, мать рассказывала мне. Я забыл, но я вспомню, непременно, – она улыбнулась и помогла мне сесть, а затем и встать. Она обняла меня и усадила за мой рабочий стол. «Какая же она сильная», кажется, так я подумал в тот миг. Она положила передо мной тетрадь, протянула ручку.

– Пиши, мой писатель, пиши, а я постараюсь помочь тебе, как ты сегодня помог мне, – она села рядом со мной на подлокотник кресла. Моя слабость прошла. Она взяла мою руку в свою и поцеловала её.

– Пиши, пиши и слушай мой голос, я расскажу тебе историю, которая прославит тебя. Все захотят прочесть её, каждый захочет обсудить. Она будет вымыслена от первой до последней буквы, но какой соблазнительно реальной она будет казаться! В ней каждый найдет скрытый смысл, адресованный ему одному, глубину доселе неведомой мудрости. Но всё-таки это будет вымысел. Потому что только ложь может быть по-настоящему сладкой и желанной, как первый поцелуй, а правда, мой возлюбленный писатель, столь пресна, что никто не даст за нее и ломаного гроша. Ты же знаешь не понаслышке, что с помощью правды никто ещё не становился великим, – она поцеловала меня. Мне показалось, что я раньше не жил, что я и не был собой все эти годы, так сладок был её поцелуй, так нежны были её губы.

Я писал в ту ночь, будто одержимый, будто кто-то или что-то завладело моим телом и разумом, а она диктовала мне без остановок. И когда до рассвета оставалось совсем немного времени, она обняла меня и ушла, пропала вместе с туманом. Я же рухнул без сил на раскрытую тетрадь. Силы снова оставили меня.

Хельга.

«Безумие, нет сомнений. И всё же, как хорошо это вино, такой мягкий, нежный вкус». Хельга улыбнулась своим мыслям. Она скрыла туманный пейзаж за окном тяжелыми шторами. Последние слабые попытки её совести докричаться до неё звучали глухо, тонули в вине, которым она их заливала. Хельга пребывала в отличном настроении. Да, он безумен.

Она посмотрела на бокал пристальней и попыталась увидеть что-то тайное в винном цвете. Не было в нем никакой тайны. Славно. Хельга осушила бокал и откинулась на спинку удобного кресла.

Ей хотелось танцевать, кричать, плакать, она чувствовала себя самой счастливой на свете. Подумать только, как мало нужно человеку, чтобы почувствовать такое счастье. Просто выпей чуть более положенного. Она смеялась до слез, хохотала во весь голос, кричала всё громче и громче: «Леонид, дурак ты, болван, дурень клинический! Как же я ненавижу всех вас, таких, мол, нежных, ранимых! Работать он не хочет! А я хочу?! А меня кто-то спросил?! Может быть, я тоже хочу, чтобы приятный мужчина каждое утро слушал мой бред и улыбался мне! Ну? Где ты?! Где ты, туманная, «как тебя там»?! Может быть, ты и мне поможешь сбежать от реальности и влюбишь меня во весь этот бред сивой кобылы?!»

В кровати за спиной Хельги заскрипели пружины. Миг стал болью. Бокал упал на паркет и со звоном разбился. У Хельги вспотели ладони. Одним движением она повернула лицо в сторону постели. На смятой простыне безмятежно разлегся её кот.

Леонид.

Леонид проснулся. За окном была ночь, облака черным щитом скрывали величие звезд и одиночество луны. Леонид попробовал вдохнуть, стало больно горлу, и он закашлялся. Кашель пробудил боль в голове, от этой боли его рот наполнился жидким, вязким вкусом железа.

Раскаты грома раздавались у него в висках, он напряг все силы, чтобы позвать санитаров, но через железо во рту смог пробиться только сдавленный булькающий хрип.

Боль стала его госпожой, и не было ещё раба, способного вынести её мучительное присутствие. Пот сбегал по лицу Леонида, он звал на помощь, а когда надежда, что кто-то придет и поможет, растаяла, будто туманная дымка, он, обессиленный, обмяк на постели. Его уже не беспокоило, что, его руки и ноги связаны. Боль заполнила весь его мир.

Капли дождя забарабанили по оконному стеклу и стенам, луна, найдя брешь в обороне тьмы, оглядела землю с высоты своего бытия. Её отсвет лег на лицо Леонида. Как сладок был этот миг. Как блаженно стало Леониду. Боль огромным огненным светилom укрывалась за горизонтом его сознания, и одинокая луна, осветив постель, наполнила надеждой сердце узника.

«Ты говорила, что никогда не оставишь меня, никогда, слышишь? Тогда где же ты? Почему я вновь один?» – Леонид засыпал, лунный свет исцелял его, и слова о давнем обещании тихим шепотом слетали с его губ. Рубиновые капли одна за другой разбивались о кафельный пол.

Хельга.

«Препарат отлично показал себя, доктор. Пациент номер двести семь всё более проявляет себя как социально-адаптированная личность. Несмотря на побочные эффекты, такие, как головная боль, кратковременная потеря памяти, результаты не вызывают сомнений – по истечении курса лечения пациент вновь станет социально активным и больше не будет подвержен сезонным обострениям или иным формам депрессии и/или расстройствам рассудка».

Электронное письмо было завершено. Хельга легко, одним щелчком, отправила его адресату. Скоро... Она блаженно откинулась на спинку кресла. Скоро она отправится домой и никогда, не будет вспоминать это ужасное место. Леонид... Его история, конечно, необычна, но ведь все мы уникальны, и безумие у каждого должно быть уникальным, так сказать, своим, личным.

Леонид.

– На следующее утро, доктор, я не пошел на работу, я взял больничный, это вышло без труда, я действительно выглядел очень болезненно. Вернувшись домой, я сразу же открыл тетрадь, ту самую, в которую я писал всё, что надиктовала мне туманная леди.

Я вижу, вам интересно, что там было написано? О боже, что там было, вы представить себе не можете. Если прочитать эту историю вслух, прочувствовать каждый слог, каждую паузу, – черт возьми, это был фонетический джаз, господи, он проникал в самую душу, захватывал тебя, будто водоворот страстей, из которого невозможно вырваться. Да и незачем, настолько он был сладостен. Насколько прекрасен.

Вы когда-нибудь танцевали, Хельга? Танцевали так, чтобы каждая частичка вашей души звенела в такт музыке и страсти, переполняющей вас? Это восхитительное ощущение эйфории, высшего откровения, сиюминутного счастья, глубочайшего экстаза, вот что там было! Я раз за разом перечитывал строки, жадно впитывал буквы взглядом, желая раз за разом ощутить глубину чувств, сокрытых в простых чернилах и бумаге.

Вы спрашиваете, о чем там говорилось?! Вы не понимаете? Вы читаете что-либо, кроме ваших докторских статей? Вам знакомы художественные произведения? О, моя Хельга. У меня нет слов.

Я, с вашего разрешения, продолжу. Я вчитывался ради того, чтобы вновь и вновь пережить то небесное чувство полноты, я плакал от счастья и благодарил всех богов за то, что я могу читать! Вот что это было! Вот что было там написано.

Бесконечное волшебство слова. Как ей это удалось? Как туманному призраку, выпившему мои силы, удалось создать такое пронзительное произведение? Каждое слово звенело в моей душе, словно рассветные капли росы: они так же звенят на ветру, застывшие в серебряной паутине. Это были слова, тронутые ветром, пробужденным рассветной благодатью, вестью о том, что ночь более не властна над светом.

Позже, поздно вечером, я продолжал писать под её диктовку. Это было несложно. Я был одержим ею, нет, не призрачной гостьей, нет, идеей, госпожа Хельга. Идеей, что я могу написать прекрасную вещь, и ещё лучше, ведь произведение, вызвавшее в моем сердце столько перемен, не было завершено. И она диктовала мне его продолжение.

Потом, когда я уже не мог писать – руки просто не слушались меня, – я лежал на полу обессиленный, и она обнимала меня. Туман заполнил комнату, он стал теплым и нежным, как её прикосновения. Мне казалось, что он пахнет васильками. Я так давно не видел луговых цветов, запах васильков был эхом из прошлой жизни, когда я был ещё ребенком. Я прикрыл глаза, чувствуя, как её легкие, почти невесомые ладони скользят по моему телу. И мысленно вернулся в детство.

– Леонид, ты веришь в Бога? – этот вопрос вернул меня к реальности, какой бы невероятной она ни была. Я повернулся к ней, её голос был музыкой, которую я хотел слушать вечно. Я коснулся пальцами её волос.

– Нет, думаю, нет, но теперь я верю в чудеса. А ещё я помню рассказы моей прабабки о том, что людям следует бояться туманов и тех, кто приходит с ними. Как быть с этим, я ещё не решил, – она засмеялась, и туман скрыл её от меня. Она растворилась в ворохе снежно-белой неги и вновь появилась с другой стороны от меня. На этот раз туман забрал с собой её одежду.

– Туман связывает два мира в один, он служит тропинкой нам к вам, а вам к нам. Если тебе будет одиноко или печально, или жизнь будет неважною, ты всегда сможешь найти меня в тумане, и я покажу тебе свой мир. Мир по ту сторону тумана, – она прильнула ко мне всем телом, туман спрятал нас. Её губы отыскиали мои.

– Я всегда буду рядом с тобой, как бы далеко ты ни был от дома, как бы плохо тебе ни пришлось. Я найду тебя. Тебе стоит только позвать, и мы вновь будем вместе, возлюбленный мой, – её голос звучал в моей голове, сам тонул в её ласках, и сквозь негу любви я чувствовал, как после очередного поцелуя у меня пошла кровь, она прильнула к ране, и мое сознание угасло, поглощенное темнотой.

Леонид.

Туман в ту ночь скрыл весь город, добравшись до крыш самых высоких зданий в городе. С высоты птичьего полета Куйбышев перестал существовать, став молочным пятном, немного

размытым, нечетким, из его глубин неспешно подымались клубы дыма: доменные печи города работали без устали.

Леонид в своей палате мучился от всё возрастающего жара. Температура росла, но на этот раз сон не спешил оставлять узника, и Леонид был вынужден пребывать в далеком от реальности мире. Быть может, разбуди его кто, история пошла бы по совершенно иному пути.

Туман скрыл деревья перед больницей, ограждения, кованые ворота, охранников, их голоса – всё потонуло в бесконечной серости. Безысходность и бессилие, скрыли людей. И всякий труд, за который полагалось приняться в этот час, был забыт, всякое дело было брошено, и воля горожан сменилась на туманную меланхолию. Где-то вдалеке завывала собака, оказавшаяся одна в сером плену: она не могла вынести ужас и тишину, которую принес с собой туман.

Леонид разлепил веки. Жар давил на глаза, и всё вокруг плыло четкие и ровные формы превратились в туманные силуэты. Леонид перегнулся через край постели, его вырвало. Потом температура спала, и Леонид откинулся на подушку. Глаза закрылись сами собой.

«Кто я?» – этот вопрос звучал всё громче в его голове. Воспаленное сознание силилось найти ответ. Леонид будто пытался открыть дверь комнаты, а ручка была раскалена до предела, и он обжигал руку раз за разом.

В конце концов, Леонид взглянул в маленькое окошко в двери, оно запотело от жара, пульсировавшего вокруг, ладони болели от ожогов, бесполезных попыток открыть эту злополучную дверь. Он взглянул в окно. В комнате кто-то был, но кто? Разглядеть не получалось, оргстекло искажало черты, да и невыносимая жара мешала сосредоточиться.

Леонид стучал в дверь, кричал, чтобы открыли с той стороны. Но тщетно. Жар нарастал, и сознание Леонида угасло во всепобеждающем пекле.

Открыв глаза, Леонид посмотрел в окно. Там, в туманной дымке, был ясно виден силуэт женщины, она стояла напротив окна и звала его, по крайней мере, Леониду так казалось. Он вытянул руку, чтобы коснуться стекла со своей стороны, но оковы больно врезались в запястья. Тогда он закричал, стал дергать руками и ногами, не обращая внимания на боль. Он смотрел стоявшую по ту сторону стекла сотканную из тумана красавицу, и по его щекам текли слезы. Он звал её по имени, звал всеми ласковыми словами, которые говорил ей в те ночи, когда она согревалась его в объятьях.

Леонид знал, что происходит, какой-то препарат «лечит» его, буквально сжигает его воспоминания одно за другим. Он плакал и, встретившись взглядом с туманной нимфой, глотал соленые слезы, потому что с каждой следующей секундой лицо совершенной женщины по ту сторону стекла становилось для него всё менее важным.

Он будто наяву увидел, как лекарство, будто фашистский солдат, закованный в броню с ревушем злобой огнеметом, идет из комнаты в комнату его разума и под рев пламени оставляет после себя горящие не опознаваемые останки. Пепел кружит над ним, будто крылья чудовищного демона, хохот слышен из-под маски солдата, и Леонид, снова ставший маленьким мальчиком, в ужасе бежит по огромному дому, сжимая в руке сверток с самыми дорогими воспоминаниями: о маме и счастливом детстве, проведенным с ней. В детской ладошке до боли сжата фотокарточка бесконечной красоты женщины, но от жара, чада и слез мальчугана она искажается, и женщина из красивой превращается в неузнаваемое туманное пятно.

В конце концов, солдат настигает мальчика в маленькой детской комнате, он легко выбивает дверь своим тяжелым сапогом. В жаре и хохоте, в реве пламени адского мясника, гибнет маленький мальчик, сгорают его мечты и воспоминания, гибнет всё человеческое, что отличало его от сотен других пациентов клиники. Крики мальчика заглушает рев огненного зверя, выпущенного на свободу фашистским чудовищем.

Леонид смотрел в окно, и туманное лицо становилось всё менее узнаваемым, боль в голове и жар не отпускали его. Слезы высохли. Плакать больше не хотелось, всё вокруг поте-

ряло смысл. Когда в тебе пусто, то болеть нечему. Леонид осмотрелся. Зачем? Почему он плакал? Кто он? И где? Да и не всё ли равно?

Много лет прошло с того дня, как Леонида вылечили. После курса интенсивной терапии, нацеленной на возвращение пациенту социально полезных возможностей, Леонид полностью восстановил все функции своего разума, и его выписали, чтобы он смог занять свое место в этом дивном новом мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.